

Мнение опрошенных о последствиях прибытия на жительство в Оренбуржье мигрантов отражено в таблице 10.

Таблица 10

Последствия прибытия мигрантов в регион
(в % от общего числа опрошенных)

Позитивные	Всего	Негативные	Всего
Возрождение заброшенных населенных пунктов	17	Усиление конкуренции за рабочие места	46
Пополнение региона квалифицированными работниками	11	Обострение проблем с жильем	45
Объединение семей, родственников	24	Обострение социальных проблем	15
Улучшение демографической ситуации	14	Возрастание уровня преступности	40
Увеличение финансовых средств	5	Обострение межнациональных отношений	23
		Увеличение риска возникновения инфекционных заболеваний	31

Таким образом, население оценивает миграцию в основном как негативное явление.

В случае принятия законодательства, поощряющего миграцию в Россию, жители выделяют следующие критерии отбора (приведем в порядке их ранга):

Критерий отбора	%
Стремление человека вернуться на родину	43
Наличие родственников, воссоединение с семьей	30
Безупречная репутация, поведение	21
Национальность мигранта	12
Возраст мигранта, предпочтение молодежи	11

Оценка адаптации, желание переезда. Большинство опрошенных мигрантов (82%) полагают, что им удалось приспособиться к новым условиям жизни. Основные трудности адаптации приходится на первые пять лет жизни на новом месте. Наличие родственников, помощь с их стороны дает возможность мигранту легче пережить период адаптации. Наличие работы, пожалуй, — один из главных факторов, содействующий вливанию мигранта в новые социально-экономические условия (табл. 11).

Таблица 11

Уровень адаптации
в зависимости от наличия работы
(в % от общего числа опрошенных)

Наличие работы	Удалось ли приспособиться к жизни в новых условиях	
	да	нет
Имеют постоянную работу	65	43
Имеют временную работу	8	16
Не работают	25	19

Жилищные условия, материальное положение (их роль в адаптации раскрывалась ранее) также находятся в перечне условий, которые влияют на результат адаптации.

Преодоление трудностей, различных проблем в жизни мигрантов оказалось непосильной задачей только для 8% переселенцев. Но даже и у них нет желания сменить регион (73%) или уехать из России (86%).

Лев ГУДКОВ,
Борис ДУБИН

"Нужные знакомства": особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов

Гражданское общество и общество теневого. После 10–15 лет не слишком удачных реформ российская элита начала осознавать или, может быть, ощущать — скорее через значимое отсутствие сдвигов, чем через рационализацию положительных результатов — дефектность демократического потенциала России, слабость оснований гражданской солидарности, необходимой для завершения либеральных реформ. С концом ельцинской эпохи и началом правления В.Путина, провозглашением политики "управляемой демократии" пошла речь о состоянии российского "человеческого материала", серьезности проблемы неразвитости гражданского общества и т.п. Без него, как выяснилось, вся российская демократия оказывается повешенной на хлипкий гвоздик "политической воли" президента и его "желания войти в историю" в качестве второго Петра, завершившего процесс модернизации и снявшего со страны печать хронической неудачницы после десятилетий коммунистических экспериментов. Возник довольно заметный спрос на соответствующие аналитические разработки, академические исторические изыскания, социологические исследования. Многочисленные западные фонды старались поддерживать и стимулировать появление и развитие разного рода гражданских проектов, общественных инициатив, некоммерческих и негосударственных организаций, подпитывающих или закрепляющих публичные структуры солидарности, ответственности, благотворительности, социальной помощи и поддержки ("зеленых", женских, правозащитных, краеведческих, борьбы с наркоманией и т.п.). И надо сказать, ими многое сделано. Эти организации реально существуют и действуют, хотя значительная их часть быстро бюрократизировалась, сев на иглу финансовой поддержки этих фондов, или превратилась в полупаразитические, "зонтичные" организации для региональных или местных клубов и ассоциаций активистов. Их деятельность замкнулась на несколько самых богатых грантовых "питомников" и в основном свелась к снабжению заинтересованных лиц методической, инструктивной или файндрайзинговой литературой.

Едва ли можно сказать, что эти организации стали зародышем или заправкой для кристаллизации российского "civil society". И все-таки они представили иную модель публичной деятельности в сравнении с общественными организациями советского типа, которые при всем их предметном разнообразии всегда выступали в качестве звеньев ("приводных ремней") организации тотального контроля за населением и обеспечения поддержки мероприятий, проводимых властями. Красный Крест или ДОСААФ, пионерские дружины или общества инвалидов и ветеранов, спортивные общества или союзы охотников и рыболовов, филателистов или Русская православная церковь (РПЦ), ВДОАМ или кружки "Умелые руки" — все это были организационные структуры тоталитарного режима, замкнутые на другие контролирующиеся или ресурсные инстанции. (Их деятельность в СССР всерьез почти не анализировалась, в отличие от работ зарубежных исследователей, описавших структуру и функционирование аналогичных образований, которые складывались в свое время вокруг нацистской или фашистской партии в других странах.)

Понятно, что общество "Мемориал" или Московская Хельсинкская группа функционируют совершенно по-

другому. Общество защиты прав потребителей или Союз юристов-экологов не ориентируются на административную власть, они решают спорные вопросы не путем подачи жалоб начальству, а через суд и информирование заинтересованных групп и т.п. Это другой тип социальных связей в сравнении с советскими формами. Их идеологическая направленность заключается в том, чтобы представлять групповые интересы, содействовать формированию структур гражданской солидарности, создавать горизонтальные общественные связи и образования, принимающие на себя ряд важнейших функций ранее бесконтрольной власти. Но практически — и это в лучшем случае! — они могут только компенсировать своей деятельностью институциональные дисфункции, неэффективность существующих государственных служб и ведомств, сохраняющих в качестве своих образцов советские модели управления. Если бы это произошло более или менее систематически, можно было бы говорить об определенном прогрессе в социальной структуре российского общества. Но этого в сколько-нибудь заметных масштабах нет.

Одновременно с ростом интереса к тематике гражданского общества резко выросло внимание к так называемым "неформальным отношениям и практикам", теневым связям, сетевым структурам социальных отношений, анализу коррупции. Уже привычным в публицистике и даже в социальной аналитике стало говорить о преобладании "неформальных отношений" в социальной жизни нынешних россиян, в частности отношений, построенных на "подкупе", "взятке" и пр. Соответственно, систему власти в сегодняшней России либо даже все современное российское общество нередко характеризуют как глубоко коррумпированные. Значительная, если не большая часть выступлений на эти темы по-прежнему сохраняет моралистический, осуждающий тон, особенно свойственный зарубежным наблюдателям. Подобные стереотипы суждений постоянно присутствуют в современной публицистике. Впрочем, излюбленной темой для рассуждений интеллигентской журналистики они стали уже в позднесоветские и раннеперестроечные времена.

Возникновение "неформальных отношений" (в том числе блат, коррупции, телефонного права, "местничества", семейного, кланового или этнического протекционизма, практики "знакомств", использования "нужных" или "полезных" людей, ссылок на них) меньше всего следует относить на счет несовершенства органов управления, неэффективности бюрократической работы различных ведомств либо видеть их причины в недостаточности законодательных основ, которые при надлежащей доработке способны-де исключить ведомственный произвол и т.п. Нам представляется, что речь здесь идет о вещах гораздо более существенных, системных, ответственных за сохранение всего социального порядка, унаследованного сегодняшней Россией от общества советского типа*. Совершенно очевидно, что мы имеем дело с различными сторонами одного комплекса проблем разложения тоталитарной системы, что выражается в слабости и неэффективности прежней централизованной власти, мутациях дефицитарной государственно-распределительной экономики, особом типе или формации "адаптивного" человека, ставшего в этих условиях социального

* Понятно, что само по себе взяточничество и ему подобные формы взаимодействия встречаются едва ли не всегда и везде. Нас здесь интересует не собственно данный феномен, а советский тип организации общества, в который подобные элементы системно включены. Исторический вопрос о связи советского типа отношений "подданных" с начальством и соответствующей дореволюционной практики в России требует особого рассмотрения и здесь не ставится.

распада доминирующим не только в количественном, но и в модельном плане.

Число работ, цель которых — объяснить природу и функции этих отношений, быстро увеличивается. Как бы ни различались используемые в них техники и методики исследования (качественные методы, глубинные интервью, экспертные зондажи, массовые социологические опросы), их результаты согласуются в главном. Описание "социальных сетей", которые складываются вокруг таких институтов, как армия, правоохранительные органы, учреждения высшего образования, медицинского обслуживания, социального обеспечения, судебных органов и в других важнейших сферах социальной жизни россиян, показывает, что между системами официальных, институционально-нормативных установлений, правил, регламентации, с одной стороны, и фактическими нормами социального поведения, взаимодействия людей с представителями этих институтов и ведомств — с другой, существует явный и осознаваемый, учитываемый респондентами разрыв. Собственно, то, как он снимается, и составляет на нынешний день специфику российской социальности, характер *институционализации* социальных изменений в постсоветском обществе. Рассмотрим это подробнее.

Общественные организации в современной России. Исходя из опыта социологических исследований последнего времени, посвященных участию российского населения в деятельности тех или иных неполитических общественных организаций, политических партий и движений, потенциам договорных отношений между подобными зачаточными формами самодетельного "общества" и органами государственной власти*, можно говорить о резком разрыве между информированностью населения о существовании подобных союзов, организаций или объединений и личной готовностью участвовать в них или поддерживать их материально. Из ряда зондажей на эту тему для иллюстрации приведем результаты лишь двух (каждый в рамках "Мониторинга") опросов "Информированность населения России о деятельности общественных организаций", проведенных ВЦИОМ в октябре 1997 г. и 1998 г. по заказу USAID (табл. 1). Их устойчивость, подтверждаемая и другими замерами, в том числе и более поздними по времени, убеждает в том, что сами факторы, определяющие отношение людей к общественным организациям, практически не меняются. Сложившаяся здесь структура установок и отношений вполне определилась.

Из существующих общественных организаций и движений россиянам более всего известны два типа — защитные и попечительские (они же в большей мере положительно оцениваются респондентами). Причем последние — это чаще всего реликты прежних советских организаций с изменившимися вывесками, но с прежним подбором кадров, характером работы, типом общения, документацией и пр. Вот это и важно: какие типы социальных отношений, а значит, и представления о человеке и обществе воплощают, консервируют и воспроизводят в своей ежедневной деятельности подобные институциональные формы. Например, по данным опроса ВЦИОМ, проведенного в марте 2002 г. (N=2407 человек) по заказу Института национального проекта "Общественный договор", самыми известными и наиболее полезными из предложенного списка в 15 позиций респондентами были названы те общественные движения и союзы, которые помогают хоть

* Не так давно они стали предметом специального исследования ВЦИОМ, проведенного по заказу Института национального проекта "Общественный договор". Его материалы см.: *Общественный договор. Социологическое исследование* / Под ред. Д.В.Драгунского. М., 2001.

Какие общественные организации Вы знаете? В каких из них Вы принимаете участие?

Тип общественной организации	1997 г.		1998 г.	
	Знают (в % от числа опрошенных)	Участвуют (число респондентов, всего — 106, т.е. 3,8% от всех опрошенных)	Знают (в % от числа опрошенных)	Участвуют (число респондентов, всего — 110, т.е. 3,9% от всех опрошенных)
Профсоюзы	80	48*	80	50*
Красный Крест	58	1	60	3
Общества защиты потребителей	43	2	53	—
Религиозные организации**	46	3	46	5
Экологические движения ("зеленые")	39	7	45	4
Благотворительные общества, организации социальной поддержки	35	1	37	4
Казачьи общества и союзы	31	—	33	—
Общества инвалидов	30	2	29	1
Правозащитные организации	31	—	32	1
Союзы ветеранов и общества защиты прав ветеранов***	30	11	30	10
Детские и юношеские организации	29	5	28	4
Женские организации	27	3	27	3
Объединения по интересам (шахматы, туризм, рукоделие)	23	4	21	2
Общества помощи безработным	21	—	20	—
Общества поддержки беженцев и вынужденных переселенцев	20	—	20	—
Культурно-просветительские организации и фонды	19	4	19	5
Центры, фонды, движения национальной культуры	14	1	13	2

* Имеется в виду "профсоюзный актив", а не простое, пассивное членство.

** Не считая РПЦ и исламских религиозных общин.

*** В том числе ветераны, принимавшие участие в событиях и разрешении конфликтов в Афганистане, Чечне и др.

в какой-то степени умерить государственный произвол (Комитет солдатских матерей), обещают попечительство над группами социально слабых (Российское общество инвалидов), способны помочь населению в минимальной защите его потребительских прав. Иными словами, большинство россиян представляет себя, а соответственно, и возможные формы своей общественной солидарности как слабых, зависимых и подотчетных. Такие типы общественных объединений, как Фонд защиты гласности, Комитет "За гражданские права", Центр содействия реформе уголовного судопроизводства, Московская Хельсинкская группа и другие, подобные им, собственно, гражданские инициативы известны лишь нескольким процентам населения (можно сказать по-другому: образ человека, его социальных связей и отношений, каким он задается в деятельности подобных обществ, опознан и признан сегодня лишь несколькими процентами российского населения). Примерно таков же объем тех, кто считает их деятельность важной и полезной — во многом это попросту ответы одной группы людей.

Однако даже в названных и высоко ценимых ими организациях россияне, как правило, не состоят: в лучшем случае, они о них что-то слышали, узнали по телевизору. Данные о собственном членстве опрошенных в тех или иных неполитических общественных организациях, как и об их членстве в политических партиях и движениях, находятся в пределах статистической ошибки и, строго говоря, вообще не могут считаться репрезентативными для населения страны в целом.

Наследие тоталитаризма. Своеобразие жизни в обществе, выходящем из тоталитарного режима, заключается даже не в том, что люди бедны (на что ссылается сегодня подавляющая часть населения, что составляет главную причину потери советским режимом массовой социальной привлекательности и что остается основным фактором продолжающегося разложения централизованно-ведом-

ственной организации российского общества, советской по своему типу), а в том, что принципиально бедна институциональная структура общества. И именно ее конститутивные особенности, а не просто неразвитость или слабость, не позволяют решать проблемы, каждый день возникающие перед массовым человеком. Называя эти особенности "неразвитостью", мы вольно или невольно переворачиваем структуру оценок и перспективу рассмотрения проблемы.

Система общества, существовавшая десятилетиями и крайне медленно меняющаяся в последние годы, сложилась под силовым воздействием интересов определенных властных клик, связанных с ними ведомственных структур. Она не просто не предназначалась для обеспечения массовых потребностей и нужд людей, а существовала за счет поддержания населения в состоянии искусственной, принудительной бедности, длительное время обеспечивая лишь самый минимум услуг и благ, необходимый для воспроизводства режима и достижения его конкретных целей на данном этапе. Репрессивно, экономически, идеологически поддерживаемая бедность была ресурсом военно-промышленной индустриализации, условием и способом функционирования закрытого общества, а соответственно, — одним из главных средств обеспечения структуры господства. Отсюда — часто забываемое и апологетами советской системы, и теоретиками "перехода" обстоятельство: все основные характеристики "современных обществ" (индустриализация, урбанизация, высокий уровень образования, социального обслуживания и пр.) имели в данном случае, в рамках советской, а в значительной степени и постсоветской системы, совершенно другой социальный смысл, поскольку были привязаны именно к институциональным параметрам и запросам данной системы. Не рынок как универсальный, формальный институт опосредования групповых ценностных запросов и человеческих ресурсов, соответственно, как механизм социальной стратификации и прогрессирующей

социальной дифференциации, а принудительное распределение ограниченных продуктов и услуг составляло своеобразие конституции советского общества. Приоритет "государственных интересов" над частными при условной допустимости последних, "терпимости" к ним при сохранении все же их сомнительности, даже известной криминальности в глазах "начальства" (речь не только о хронической борьбе со спекуляцией, цеховиками, частнопрактикующими врачами, тунеядцами, фарцовщиками, но и об удушении налогами приусадебных хозяйств колхозников и торговли их на рынке вплоть до уже забытой волгоградской помидорной войны в годы перестройки) не означал реальной унификации потребления.

Советский режим никогда (вплоть до последнего времени) не ставил своей целью, хотя порой был вынужден, отвечать массовым стремлениям к улучшению своей жизни — повышению качества жизни, ее большей безопасности, предоставлению лучшего медицинского обслуживания, жилья, питания, психологического комфорта, снятию напряжений, возникающих в ситуациях ролевых конфликтов и т.п. С первых лет революции и до конца советской власти практикой являлось статусно-иерархическое распределение и, соответственно, потребление, неизбежно сопровождавшееся социальным лицемерием и нормативными напряжениями между ниже- и вышестоящими. Объем социальных ресурсов, находящихся в распоряжении властей предержавших, и допустимых возможностей представлял собой перевернутый конус, вершина которого приходилась на социальное дно. Причем дело заключалось не только в объеме ресурсов, но и в более высокой степени социальной организованности структур власти по сравнению с любым нижестоящим уровнем. Сложность и организованность высших уровней снижались в соответствии с продвижением вниз по иерархической лестнице. (Отсюда то чувство бессилия и беспомощности, которое охватывает отдельного человека перед "ведомством" в закрытом обществе.) Соответственно, ценностные представления о других возможных образах жизни, стандартах и стилях потребления проникали в общество только через функциональный "верх" и обслуживающие его службы и группы. Заимствование и образцов, и самих социальных возможностей могло происходить и происходило лишь путем "подкупа" или "незаконной" апроприации возможностей нижестоящими (но не соглашения, не сделки, не договора*), т.е. медленным и произвольным расширением зоны поведения, очерченной кругом директивных инструкций и заданной структурами ведомственного распределения прав и привилегий.

Можно поэтому сказать, что социальная динамика (благополучия, социальных возможностей, форм поведения и пр.) в советском обществе эквивалентна масштабам формирования и распространения "неформальных отношений", коррупции, взяточничества, доступа к ранее закрытым привилегиям и что процесс ограничения репрессий, смягчения ригидности системы и апроприации статусно-корпоративных возможностей номенклатуры или обслуживающей ее социальной элиты представлял собой если не одно и то же явление, то взаимосвязанные и параллельные процессы. Практически это не уменьшение репрессивности системы, а ее децентрализация, точнее, это децентрализация репрессивного контроля, кото-

* "Это прежде всего сговор... о некотором нарушении принятой нормы, правил, традиций, установленного порядка... С помощью взятки приобретают не товар, услугу, заказ и т.п., а некую (незаконную, запретную или незаконно установленную) льготу, привилегию на его приобретение". *Левада Ю.* Человек в коррумпированном пространстве // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 5. С. 8.

рую можно также назвать "феодализацией" ресурсов государственной власти, "пребеднизацией" или превращением тоталитарной системы в систему бенефициариев (локальных, отраслевых, ведомственных). Важно отметить, что распространение этого процесса не означало изменения самой структуры или характера режима, поскольку не порождало ни новых образцов социальных институтов, ни иных функциональных связей между ними. Другими словами, весь строй жизни в условиях тоталитарного общества блокировал процессы социальной дифференциации и формальной негосударственной институционализации.

Конечно, речь в данном случае идет не о реальном снижении сложности (культурных представлений, ценностей и т.п.), а о механизмах санкционирования этой ценностно-нормативной сложности, формах и правилах признания разнообразных мотивов действия частных людей. Причем это двусторонний процесс, который санкционируется обоими участниками подобных действий; можно сказать, что в этом народ и власть действуют друг другу или, по крайней мере, играют именно в такую взаимную игру. (Не считая первых лет после революции, когда большевистский режим носил по отношению к обществу оккупационный характер, в остальное время речь должна идти о взаимной адаптации участников друг к другу, т.е. о системном согласовании порядка действий, хотя силовые возможности сторон здесь, разумеется, никак не равны.) Если норма "законного", морального и правильного поведения спускается сверху, ограничивая вместе запросы подчиненных, пытающихся получить доступ к аналогичным благам, привилегиям, ресурсам (не только чисто потребительским, но и образовательным, медицинским), возможностям действия, получения информации, свободы перемещения и пр., то встает вопрос о сочетании разных кодов поведения, о том, насколько официальные нормы поведения признаются населением, различными его группами как "законные".

Внешне проблема интерпретации отношений такого рода заключается в том, что ни те ни другие правила и формы поведения с социологической точки зрения нельзя считать "несущественными", "малозначимыми", отказывая им в признании только за то, что одни из них могут расцениваться как "чисто официальные", декларативные, "формальные", а другие — никем не артикулированы, публично не отмечены, неформальны или даже криминальны, незаконны, неофициальны и т.п. Подобное чисто техническое для социолога обстоятельство, вообще говоря, никак не должно его смущать, если только он не принимает всерьез посылку, будто социальной и культурной реальностью, силой или значимостью обладают лишь властно-официальные отношения либо типы поведения, соответствующие открытым правовым нормам и публичным конвенциям. Не берясь судить о том, как обстоит с этим дело в странах с устоявшимися системами демократии и рынка, мы можем с полной уверенностью говорить, что для тоталитарных режимов, тем более посттоталитарных стран, ситуация "двойственности" нормативных и институциональных кодов поведения как раз является наиболее типичным случаем, а однозначность (ценностная или инструментальная рациональность) — как раз редчайшим, можно сказать, **девиантным** или маргинальным явлением, неважно, идет ли речь о чисто уголовном поведении или о полном соответствии с публично-официальным кодексом "правильного", предписанного властью поведения в полном соответствии с внешними нормами закона. Даже сама мысль о подобном буквальном соответствии становится глупой или раздражающе нелепой для обычного человека, поскольку ставит сразу же его не просто в нереалистические условия, пусть даже вооб-

ражаемые, а принуждает к определенной социальной игре, которая сама по себе воспринимается как внешнее насилие над нормальным рассудком, т.е. над его опытом рутинного, привычного социального взаимодействия, предполагающего ожидания соответствующих действий со стороны знакомых или незнакомых партнеров.

В этом смысле способность "сочетать" разные нормативные коды поведения (нормативные регулятивные предписания и нормы действия разных институциональных порядков) является признаком "нормальности" советского и постсоветского человека. (Действительная проблема в таких случаях — социальный "идиотизм" интерпретатора, его социальная невменяемость, функциональная или корпоративная, усвоенная или намеренно лукавая.) Можно сказать, что анализ такого рода двойственности представляется важнейшей теоретической, методологической и предметной проблемой для эмпирического исследователя посттоталитарных сообществ, поскольку требует от него включения ресурсов самого разного рода — знаний и инструментария различных дисциплин и плоскостей объяснения*.

В результате подавляющая часть населения в последние годы — в связи с крахом советской системы или ее неадекватностью, становящейся все более нетерпимой на фоне дряхлеющего распада жизнеобеспечивающих структур — испытывала все более острый дефицит доступных организационно-институциональных возможностей для решения возникающих и умножающихся проблем повседневного существования. Подчеркнем еще раз, что речь идет не о систематическом и всеобщем ухудшении жизни в связи с сокращением социальных возможностей человека, обеспечиваемых нынешней институциональной системой, или, по крайней мере, не только об этом ухудшении, но и о растущем диссонансе между запросами, отражающими изменяющиеся представления о "нормальном", о том, что человеку "положено" (заимствованные у вышестоящих), и об имеющихся у него в распоряжении социальных возможностях достижения этого условного предела общепринятым, "законным" порядком. Процесс сегодняшнего разложения лишает большую часть населения надежд на сохранение прежнего уровня или для относительно немногих на улучшение жизни. Дело уже не в отсутствии идеологических ориентиров, представлений о важности и необходимости реформ, которые могли бы улучшить жизнь, а в том, что значительная часть населения не может найти

* В данном случае мы не претендуем на какую-то законченную модель объяснения, и наша статья — всего лишь очередная попытка в ряду уже предпринимавшихся усилий описать и рационализировать специфическое двоемыслие "советского человека". Это не анализ конкретного социологического исследования или тематического опроса (их было довольно много за последние годы), а стремление упорядочить и "размотать", "распутать" клубок различных представлений о проблеме. Авторы ставят своей задачей наметить в чисто рабочем плане ряд систематических соответствий между требованиями институциональных порядков и антропологическими характеристиками (элементами идентичности, механизмами самоопределения и адаптации, представлений о значимом Другом), которые оказывают решающее воздействие на процессы социальных изменений в России. Причем предметом нашего внимания являются не отдельные специализированные сферы поведения (скажем, предпринимательского, где интересующие нас структуры отношений в последние годы обстоятельно изучались в работах Т.Шанина, В.Радаева, В.Волкова, Г.Сатарова и др.) и не более или менее закрытые формы самоорганизации узких групп (клубы, тусовки и пр.), а повседневное поведение массы населения, обеспечивающее его институциональные формы и закрепляемые, воспроизводимые через их действие антропологические структуры (ценности, нормы, стандарты самоидентификации, ролевые ожидания) — системная связь между этими аналитическими планами.

средств для поддержания некоего образа жизни, который она расценивала бы как "нормальный", т.е. сбалансированный в отношении рутинных запросов, массовых ожиданий и средств их обеспечения, поддержания обычными, не экстраординарными средствами*. Другими словами, у населения сегодня нет ни соответствующих мотивационных ресурсов (социально-культурных возможностей, представлений о том, какими могут быть разнообразные формы организации жизни, социального обеспечения, продвижения и пр., кроме ушедших "советских"), ни организационных возможностей и институционализированных каналов, отлаженных, стертых до рутинной самоочевидности, само собой разумеющихся в силу их рутинности, способных помочь им в решении текущих проблем быта или здоровья, работы и т.п.

Хроническая депрессия населения — отвлекаемся сейчас от особенностей "национального характера", привычной склонности прибежаться, чтобы не вызывать-де излишней зависти, обвинений в хвастовстве и прочих подобных моментов согласованной социальной игры — вызвана сегодня не просто или не только застойной бедностью, сколько бесперспективностью жизни, невозможностью для основной массы населения поверить в изменение ее к лучшему. Нет каких-либо образцов, моделей, которые могли бы указывать на какие-то новые возможности жизни или разрешения накопившихся повседневных проблем. Повторим еще раз, это бедность не столько абсолютная (в мире есть множество стран, где население живет гораздо хуже, чем в России, но не ощущает себя так мрачно и безнадежно), сколько относительная. Можно назвать ее социальной бедностью, поскольку она связана со слабостью социальных институтов — либо их неразвитостью, либо разложением старых форм, отказом от выполнения декларируемых функций**.

Организационно основу сегодняшнего российского общества составляют прежние, хотя и распадающиеся, обесмысливающиеся структуры советской централизованно-распределительной и контролирующе-репрессивной системы, точно так же, как нормативный смысловой горизонт большинства российского населения по-прежнему образуют привычные стереотипы советской эпохи. Выделим в данной обширной теме буквально несколько интересующих нас здесь моментов, сохраняющих свое значение и сегодня, поскольку сама институциональная система, пусть даже утрачивая прежнюю структуру, продолжает свое существование в виде отдельных, уже не связанных воедино образований***.

Советская система и социальная природа советского человека. Советское общество — это система принудительного и низкооплачиваемого труда. На основе и по образцу такого труда (труд в лагере, армии и другие близкие формы трудовой повинности — лишь предельное выражение природы подобных социальных отношений) выстроено все безальтернативное существование человека. Уравнительная система оплаты по минимуму — только бы восстановить физический, физиологический расход человеческого "материала" — лишает работника импуль-

* Гудков Л., Пчелина М. Бедность и зависть: Негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены... 1995. № 6. С. 31-42; Гудков Л. Показатели статусной неудовлетворенности и их динамика // Там же. 1996. № 6. С. 45-50.

** Речь не о том, что раньше система выполняла их в полном объеме. Она хотя бы провозглашала их выполнение как обязательное, по крайней мере, в некоем минимуме, — сегодня и этой привычной уверенности у большинства населения нет.

*** В более развернутом виде см.: Мониторинг общественного мнения... 2001. № 6. С. 24-30.

сов к социальному подъему, профессиональному совершенствованию, как прописка или регистрация привязывают его к месту жительства, работы, получения опять-таки минимальных социальных благ. Низко в данном случае не просто вознаграждение за труд — крайне низкую ценность имеет сам человек, "капитал" его способностей, возможностей, интересов, добровольных предпочтений и связей. Отклонения от нормативно-аскетической модели и соответствующего типового жизненного сценария могут быть оправданы только интересами самой властной корпорации или нужных ей, зависящих от нее групп*.

Правильнее было бы сказать, что человек в этом социальном пространстве вообще не имеет никакой цены, поскольку для нее нет социальных измерителей: человек не имеет права выходить на свободный рынок со своим предложением (нет "свободного" рынка) — ему может быть лишь "назначено" начальством определенное ценностное (стоимостное) содержание по ставкам и расценкам, определяемым самой системой, и только в рамках запроса самой системы. Поэтому любой выход за их пределы (проявление самостоятельности, своих интересов) расценивался органами власти как преступление или девиация, подлежащая наказанию или менее суровым санкциям. Соответственно, никаких других форм "страховки" от возможного ущерба в результате действий третьих лиц или организаций, калькуляции последствий или компенсации от намеренных действий другого не предусматривалось. Отсюда крайне репрессивный и детальный регламент поведения индивида в самых разных ситуациях, включая "инструкции", вывешиваемые в публичных местах. А поскольку нет предусмотренных и закрепленных институционально-социальных форм учета последствий, то нет и социальной ответственности, кроме страха наказаний. Репрессии в этом смысле становятся важнейшими типами вертикальных связей между индивидами и социальной системой. Соответственно, и власть, по мнению опрошенных, смотрит на население как на массу потенциальных нарушителей законов, которые она для них устанавливает, как "уклонистов", но ни в малой степени не озабочена вопросом, в какой степени действия государственных органов соответствуют ожиданиям населения. Более того, власть, как правило, оправдывает свои неадекватные — "несимметричные", как стали выражаться теперь чиновники, — жесткие действия тем, что граждане-де не выполняют обязательств перед государством, перед законом (по модели "с ними по-другому нельзя").

Поэтому в социальном и антропологическом смысле советское общество бедно и расточительно одновременно. Оно не считает своих ресурсов — никаких, и меньше всего — человеческих.

Советское общество чрезвычайно атомизировано. И это не случайное обстоятельство или побочное следствие. Если люди связаны лишь внешним, принудительным порядком всеобщего социального закрепления, распределения и контроля, то за пределами ближайших отношений

или закрепленных вертикальных связей возникают трудности социального опознания, порождающие страх и недоверие к другому (почти 60% опрошенных говорят, что "людям сегодня нельзя верить"). Человек в обществах советской модели подозрителен по отношению к "другому" и вообще к любым формам сообществ. Встречное усилие или предложение солидарности со стороны "других" (а соответственно, "чужих", т.е. не отмеченных в качестве "своих") рассматриваются им как угроза еще одной формы принуждения, как заведомый обман, жертвой которого станет легковверный субъект ("дурень", который за свою "дурость" и поплатится), и при любой возможности отторгаются. Точно с такой же подозрительностью воспринимаются проявления и формы солидарности "других", что нисколько не мешает завидовать солидарным в том или ином отношении группам и мысленно мстить им за то, чего "мы" лишены.

Советское общество антиаристократично в том смысле, что никакого собственного, неотчуждаемого достоинства, никакой автономности за индивидом оно не признает. Тем более в нем не разделяют идеалистических представлений о человеке как существе, способном себя взращивать и совершенствовать. Поэтому тоталитарно-советское устройство в принципе и антидемократично. Демократия исторически наследует аристократическую идею о самодостойном и самостоятельном человеке, универсализируя ее до всеобщего образца, до "человеческой природы". Демократия не охлократия, скорее ее можно назвать аристократией, которая сочла нужным и нашла в себе силы, средства систематически ограничить возможности индивидуального и сословного произвола, поставив себя в условия надгрупповых сдержек и противовесов, представлений об общем интересе и благе и т.п. За подобным социальным строем стоит собственно смысловое, идейное, ценностное признание непримиримой разнородности различных субъектов и мотивов действия, невозможности контролировать это многообразие со стороны какой-то одной группы, корпорации, института.

Человек в советском обществе не просто мало ценится (при всей лозунговой заботе о благе народа). Предполагается, что его природа настолько ненадежна и низка, что справиться с ней нельзя без тотального контроля и жесткого репрессивного воздействия. Такой контроль не поддается рациональному расчету, он превосходит любые инструментальные возможности и в практическом плане совершенно неэффективен. Однако его цель и состоит не в прагматической эффективности, а в демонстрации тотального присутствия власти как особым способом организации коллективного и даже индивидуального поведения.

Представление о несамостоятельности человека, о его низкой природе, фактически отрицающее за ним какие бы то ни было позитивные свойства, кроме в лучшем случае способности к подчинению, порождает такую характеристику тотальной системы контроля, как бесконечное стремление учесть все (своего рода резидиум прежнего идеологического утопизма в чисто технической практике власти, теряющей силу и авторитет, но именно поэтому стремящейся распространить контроль на все мыслимые ситуации жизни). Поскольку содержательных характеристик, собственной идентичности, смысловой определенности за человеком не предполагается, представители репрессивно-контролирующих органов постоянно детализируют моменты, в которых человек может выйти за узкие отведенные ему социальные пределы. На этом построены ведомственные инструкции (предписанные правила поведения), так же организованы препирательства представителей контролирующих и репрессивных инстанций с "нарушителем". Последний не знает и не может знать номенклатуру всех случаев и ситуаций, регламентированных

* Так, в свое время буквально за несколько лет в ударном порядке организовывался, например, особый строй и образ жизни государственной интеллигенции. Централизованные мероприятия по налаживанию быта руководителей, инженеров, писателей и пр. следовали одно за другим: февраль 1930 г. — Постановление СНК о строительстве ведомственного жилья, май — Постановление ЦК ВКП(б) о работе по перестройке быта, декабрь — решение Пленума ЦК о закрытых распределителях, июль 1931 г. — постановление ЦИК об улучшении жилищных условий инженеров, март 1932 г. — постановление СНК об индивидуальном пошиве одежды, июнь 1933 г. — постановление ЦИК об улучшении жилищных условий писателей и т.д. См.: *Патерный В.* Культура Два. М., 1996. С. 319 и далее; а также: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: Город. М., 2001. С. 117-134.

правилами того или иного уровня и типа власти, и это запрограммированное незнание (т.е. нерационализируемый по своей громоздкости перечень не упорядоченных, а просто **рядоположенных** предписаний, в том числе взаимоисключающих) составляет властный ресурс ведомства и его представителей.

Ведомственная "рациональность" и социальный порядок. Более высокая степень социальной организованности власти в сравнении с массой населения артикулируется в различного рода письменных законах и инструкциях, бюрократических изложениях требований к подвластным. Почти во всех случаях основания институциональной власти, полномочия массового управления, действующие законы и правила представляются на первый взгляд, по крайней мере, достаточно рациональными либо хотя бы так или иначе оправданными. Если взять любую ведомственную должностную инструкцию — будь то инструкция о приеме больных на стационарное лечение в больницах, нормы ВТЭК или требования ГАИ к водителю при прохождении техосмотра, то не создается впечатления, что ее писал идиот или садист. Напротив, она исключительно технологична, "рациональна".

Так, в нынешних условиях роста числа ВИЧ-инфицированных во всех больницах прежде, чем проводить плановую операцию или лечение, от больного требуют справку с результатами анализа крови на СПИД, без которой его просто не примут. Тут — при точке зрения на "массу" в интересах массового управления — все кажется вполне разумным. Абсурд начинается в конкретных ситуациях применения инструкции. Приведем реальный случай, когда без анализа крови на СПИД 80-летнюю пациентку не могут принять в глазную больницу для профилактического лечения катаракты, проводимого дважды в год. Учитывая, что в Москве кровь на такие анализы берут в двух или трех пунктах (в больнице имени Склифосовского, на Соколиной горе и некоторых других, т.е. старый человек должен туда ехать через весь город, а иногда и из пригорода), нетрудно представить себе реакцию обычного человека. Это же касается и тех, кому регулярно, раз в два года (как полагается по закону), приходится проходить комиссии ВТЭК, чтобы подтвердить инвалидность, например в случае отсутствия ноги, или кому в процессе техосмотра автомобиля отказывают в получении техталона при наличии в автоаптечке просроченных лекарств или отсутствия при себе медицинской справки о состоянии здоровья, которую он должен получать раз в три года, обходя девять врачей, или кому при входе в официальные учреждения, редакции, институты приходится преодолевать турникеты с непременным участием милиции либо ведомственной охраны, а также в тех случаях, когда, например, студента отчисляют за курение в непопозволенном месте, из-за пропущенных лекций и пр.

Каждый из подобных регулятивов содержит предписания частному лицу, как ему следует себя вести и что должно последовать в случае несоблюдения им соответствующих норм и правил. Такая прописанность требований, предъявляемых к поведению человека в тех или иных ситуациях, естественно, соответствует тенденции к бюрократизации и росту формальной рациональности, описанной еще М.Вебером. Однако одно из важнейших отличий посттоталитарных структур управления от классических моделей заключается в том, что здесь нет системы "сдержек" и внебюрократического контроля, нет тех инстанций, которые бы задавали ведомству программу деятельности и контролировали ее исполнение. Напротив, относительно рациональные требования в рамках отдельной ситуации, отдельной зоны ведомственного контроля, в условиях столь детализированных требований со сторо-

ны каждой подсистемы, ведомства, организации в целом создают своего рода сшибку различных институциональных дефицитов, что и производит впечатление бюрократического абсурда. Одно из следствий подобного подхода — внутриведомственная тенденция к аккумуляции ограничительных или запретительных мер, которые могли бы служить своего рода страховкой в отношении "произвола" частных индивидов.

Если взять, например, лишь ГАИ, то это означает гиперконтроль и детальную регламентацию в отношении водителя ("частника"), предусматривающую все случаи дефектов машины или отказов ее систем, которые могут привести к несчастным случаям на дороге. При этом в дееспособности и в автономности самому водителю отказано, наличия у него здравого рассудка и доброй воли не предполагается. Жесткость и номинальная разумность требований ГАИ отражает отсутствие в обществе социальных форм взаимной ответственности (антропологии социально дееспособного и коммуникативного индивида, здравого рассудка), а значит, утверждение определенной модели человека — безответственного, неспособного к самоконтролю и взаимодействию с другими (в определенном смысле это будет переносом характеристик самой властной системы на подданных). Необходимость каких-то социальных гарантий в обществе трудно отрицать, но в других странах с рыночной экономикой, правовой системой и демократией автомобильную страховку в подобных случаях дают частные страховые компании, проводящие собственный техосмотр (а не государство!) и заинтересованные в уменьшении рисков несчастных случаев и всяких инцидентов. При плохом техническом состоянии автомобиля (старый, ненадежный и т.п.) или плохом физическом состоянии самого водителя (возраст, болезни, психическое нездоровье и пр.) автоматически повышается плата за страховку, которая носит обязательный и всеобщий характер. Причем эта страховка в первую очередь предусматривает "гражданскую ответственность" перед третьими лицами, могущими пострадать в результате ДТП. Иначе говоря, здесь перед нами лишь один малый пример целой системы социальных форм взаимной ответственности и связи, работающей без репрессий и жесткого принуждения, а лишь через "универсальные формы" и обобщенные регуляции, основанные на денежных отношениях.

Разрастание же ведомственного абсурда, с точки зрения обывателя, взаимодействующего с ведомством, связано с нарушением или, точнее, с отсутствием общей меры при определении соотношения **цель—средства**, мотивирующего деятельность организации: за этим стоит аннигиляция ценности, которая бы проявлялась в выборе и конкретизации "цели". Патология организационной рациональности начинается с чрезмерности санкций, с точки зрения взаимодействующего с государственной организацией человека, равным образом репрессирующих за мелкие девиации от предписанного инструкцией поведения и за серьезные, могущие быть социально опасными дефекты действия*. Нередко это свойство больших организаций становится предметом обличения бюрократии, бессмысленной механистичности ее функционирования и т.п. Тем самым не делается различия между бюрократией как таковой и постсоветским социальным порядком. А различие есть.

Дело не в машиноподобии советских учреждений, а в безальтернативности институциональных структур, конституировании порядка взаимодействия только "сверху", непредставленности интересов другой стороны в нормах

* Чеслав Милош пишет о том, что "антибуржуазный" тоталитарный порядок "стирает границу между поступком наказуемым и ненаказуемым". См.: Милош Ч. Личные обязательства. Избранные эссе о литературе, религии и морали. М., 1999. С. 141.

взаимодействия с институтами. Это и проявляется в том, что в "статьях" нормы инструкции равно важны *все* обстоятельства и моменты, поскольку именно равнозначность всех требований в ситуации безальтернативности является основанием авторитета должностных лиц, функционеров, их власти по отношению к обывателю. Можно сказать, что подобная нерасчлененность, неспособность или нежелание различать важное и неважное для обычного человека становится собственно "административным ресурсом" чиновников, наращиваемым "сверх" совершенно оправданной, законной и рационально должностной компетенции. Тогда "орудием" населения против них и становятся деньги или бутылка.

Другими словами, интересы держателя властной позиции ведут к обесмысливанию самой нормы ведомственного распоряжения и инструкции в миллионах повседневных ситуаций, когда интересы обывателя никак не могут быть представленными в структурах массового управления. Скрытой посылкой такого положения дел является представление об индивиде (типичном, наиболее распространенном, потенциальном большинстве), обращающемся в госорганы или взаимодействующего с государственной организацией, как: а) неполноценном, невменяемом или не полностью дееспособном субъекте действия; б) наделенном злой волей, характеризующимся склонностью к агрессивным, криминальным, аморальным или безответственным актам, короче, "асоциальном" или антикультурном субъекте; в) изначально и непременно враждебном по отношению к большинству населения или интересам государства.

В этом плане инструкция или закон на практике осуществляется или применяется, *исходя* из презумции профилактического предупреждения возможностей злоупотребления действующим индивидом, а не из его интересов и ценностей. Социальность, представленная в органах государственной власти, — прежде всего коллективная социальность, и мыслится она только как репрессивная система по отношению к мотивам частного лица, множества частных лиц или отдельной группы. Государственный смысл пешеходных дорожек — не в том, что их прокладывают для людей именно там, где им нужно, где они ходят, и так, как им короче или удобнее, а в том, что они намечены планом или решением соответствующего ведомства и подлежат охране другого ведомства.

Тем самым организованная социальность представляет собой общество сторожей, "присматривающих", по выражению Ф.Искандера. Каждый из них охраняет границы своего ведомства — своего ведения. Но так же, как на границе любого из подобных участков находится субъект при исполнении ("в будке", "в форме", "с документом" и пр.), так и каждая из подобных границ отмечена своей ведомственной инструкцией — совокупностью правил поведения в данных ведомственных рамках, которая оформлена как свод запретов и разрешений, вменяемых данной контролирующей инстанцией. Можно сказать, что посттоталитарное общество — общество умножающихся инструкций и распоряжений. Нынешнего постсоветского человека, живущего в столице, все еще до сих пор наставляют, как вести себя в метро или кабине лифта (в том числе лифта в его собственном доме, построенном на его собственные деньги). Привычка на каждом шагу встречать подобных присматривающих и быть окруженным такого рода инструкциями, привычка к внешнему надзору и гиперопеке — значимая часть социального (социализационного) опыта каждого советского, а во многом и российского человека. Она прочно сохраняется по сей день. В качестве одного из свидетельств приведем данные из репрезентативного для страны исследования, проведенного в январе 2001 г. во ВЦИОМ по программе "Общественный договор" (табл. 2).

Таблица 2

Должно ли государство контролировать положение вещей в следующих областях...

(в % от общего числа опрошенных; ответы ранжированы по убывающей, данные по затруднившимся с ответом не приводятся, январь 2001 г., N=1600 человек)

Область контроля	Да	Нет
Цены на жилищно-коммунальные услуги, электричество, газ	96	2
Цены на основные продукты питания	93	5
Деятельность основных отраслей промышленности, крупные предприятия	91	5
Учебно-воспитательный процесс в вузах и школах	88	9
Общественная мораль	79	14
Предпринимательская деятельность граждан	73	21
Крупные расходы граждан	67	28
Работа телевидения	63	32
Деятельность прессы	58	36
Зарубежные контакты граждан	51	40

Таблица 3

Должно ли государство напрямую ограничивать рост частных доходов, и если да, то в каких пределах?

(в % от общего числа опрошенных в молодежной подгруппе в каждом исследовании)

Вариант ответа	1991 г.		2000 г.	
	Молодежь до 24 лет	В среднем по выборке	Молодежь до 24 лет	В среднем по выборке
Вообще не должно ставить ограничений	54	45	50	38
Должно ограничивать доходы, чтобы разница была не более чем в 3–4 раза	7	11	31	32
Должно ограничивать только в той мере, чтобы у нас не было "миллионеров"	10	19	16	20
Затруднились ответить	29	25	3	10

Направления сдвигов в общественных оценках необходимости государственного контроля за 90-е годы можно продемонстрировать на такой чувствительной для населения сфере, как личные доходы. Мы имеем в виду растущую неудовлетворенность россиян их *ростом*, не соответствующим массовым представлениям о "нормальном" заработке (хотя определенные возможности в этом плане приоткрылись именно в последние десять лет). Показательно, что более строгого уравнительного контроля государства за этим ростом стали требовать за последние годы даже более молодые, работоспособные россияне — группы, казалось бы, с повышенной социальной активностью, явными видами на профессиональную карьеру, статусный подъем и пр. (табл. 3).

Здесь стоит отметить, что так называемые развитые общества исторически складывались, осознавались их ведущими группами и слоями в качестве современных именно по мере того, как экономические, политические и другие социальные институты, основополагающие для самого существования подобных обществ, освобождались от функций социального и морального контроля, подчиняясь логике их собственной внутриинституциональной

эффективности и рациональности. Соответствующие функции — моральные, культурные, символически представительские и т.п. — переходили к правовой и судебной системам, к публичной сфере, общественному мнению, средствам массовой коммуникации и другим специализированным образованиям. Менялся и характер подобного контроля, все большую часть которого со временем стали составлять универсальные нормы ценностной регуляции.

Напротив, формирование тоталитарных систем характеризовалось "обратной" экспансией государственного контроля и прямого репрессивного воздействия на большинство сфер социальной жизни, стягиванием специализированных функций к претендующей на монополию власти. Крах этой централизованной системы в конце 80-х — начале 90-х годов вызвал со временем, уже к середине 90-х годов, ко вторым президентским выборам в России, парадоксальные последствия. С одной стороны, власть представлялась массовому сознанию как совершенно продажная, коррумпированная, неумная, эгоистическая и т.п., с другой — именно она была единственно организованным началом в механически интегрированном обществе, а потому лишь от нее не имеющее никаких собственных ресурсов и институциональных средств их достижения население ждало помощи (табл. 4). При всем недовольном брюзжании на власть гиперконтролю "сверху" отвечало встречное декларативное ожидание гиперопеки "снизу".

Таблица 4

Сможет ли большинство людей в нашей стране прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства?

(в % от общего числа опрошенных в каждом из указанных исследований)

Вариант ответа	1990 г. (N=1650 человек)	1997 г. (N=1600 человек)
Да	20	17
Нет	63	72
Затрудняюсь ответить	17	11

Дело не просто в том, что власть коррумпирована, — такой она на протяжении советской власти была всегда (достаточно отослать к указанным выше материалам о начале 30-х годов или вспомнить о спецпайках и спецраспределителях, заказах, закрытых санаториях и прочих льготах и привилегиях, борьба с которыми создала Б.Ельцину популистский ореол вождя). Изменения затронули границы между статусами, барьеры между группами, поставив под вопрос законность спускаемых сверху ограничений. Речь идет не о морали (для нее не было универсалистских оснований), дело — в социальной зависти и рессантименте, в признании самого факта принудительной бедности и, соответственно, в выдвигаемых претензиях на доступ к аналогичным благам или хотя бы в праве на улучшение жизни любым образом, в экстенсивном расширении матрицы запросов, но не в изменении структуры общества. Иными словами, при эрозии централизованных структур утраты и репрессий, ослаблении массового, организованного страха имела место коллизия ранее разведенных нормативных порядков, что и воспринималось населением как нарастание хаоса, беспорядка, как бардак, анархия и пр.

Распад затронул прежде всего характер "всеобщности" норм, установленных сверху и поддерживаемых государственными институтами в качестве "законных". В ситуации сохраняющейся безальтернативности установления порядка, но при росте запросов населения на те же стандарты жизни и поведения, что прежде отличали лишь высшие уровни власти, в обществе, не имеющем инсти-

туционализированных открытых возможностей их достижения, усиливался комплекс заложничества, вынужденности, бесперспективности, лишавший власть морального статуса, снимавший с людей обязательства перед государством. Можно сказать, что здесь происходило переворачивание комплекса "вины" за нарушение нормативного порядка и превращение его в обвинение властей, способствовавшее быстрой, обвальной релятивизации социальных запретов и распространению (выходу наружу) новых правил "подкупа" и "блата". Можно сказать, что российское общество за последние десять лет сползло к той фазе исторического развития, на которой европейские общества оказались в период ранней индустриализации — в обстановке кризиса абсолютизма, после полной неудачи революционного периода, распределительной системы, при первых попытках формировать новые представительские политические институты. Попытки усилить государство, укрепить вертикаль власти означают лишь интенсификацию описанного здесь процесса разложения, поскольку проблема заключается в отсутствии институтов, которые могли бы обеспечивать универсальные нормы отношений, универсальные механизмы опосредования благ и ценимых достижений, — напротив, подобные отношения по-прежнему подавляются, стигматизируются в качестве криминальных и т.п.

Человек—общество—власть: о потенциале социальной самоорганизации населения. От государства в наиболее обобщенных, стереотипизированных, массовых представлениях о власти, как они описаны выше, невозможно откупиться, "отстегнуть ему" положенное, чтобы обезопасить себя. Это возможно лишь с отдельным милиционером или чиновником, но не с системой в целом. И проблема сегодняшнего российского общества, обычного человека заключается не в том, что нельзя установить общие согласованные правила действия ("отказаться платить"), а в том, что крайне слабы субъекты возможного договора, отсутствуют обобщенные институциональные посредники для ведения самих переговоров, реальные возможности для людей делегировать свои полномочия и представлять свои интересы перед более сильной стороной.

Ни партии, ни пресса, ни другие "общественные организации" не предназначены, в глазах обывателя, играть подобную роль, выполнять такие функции, действовать в его интересах. Они самостоятельные игроки в публичном поле, у них — свои цели и задачи, а потому им нельзя передоверить свои полномочия, нельзя делегировать свои голоса в важнейших обстоятельствах и вопросах. Добавим к этому все возрастающую дробность, не уследимую для нормального сознания множественность представителей разрастающейся и постоянно делящейся власти, точнее, распорядителей, держателей властных полномочий, переплетение различных ее ветвей и органов, с которым частный индивид справиться не в состоянии. Он не может, не умеет, не имеет ни оснований, ни опыта мыслить властные структуры как отвлеченные от конкретных лиц функции и компетенции. Поэтому-то у него не возникает и идеи ответственности за свои действия. Более того, именно состояние безответственности (кажущееся на первый взгляд чисто иррациональным, эмоциональным, реактивным, а с точки зрения властей, опасным и криминогенным) в действительности для частного человека в России представляет собой важнейший жизненный ресурс выживания, постоянной неподконтрольности властям и их представителям, систематически покушающимся на благополучие индивида.

При этом в общественном мнении существует представление о сильной диспропорции в системе отношений "государство—граждане". Напомним необходимые нам в данном контексте уже приводившиеся цифры на этот счет (табл. 5).

Таблица 5

Взаимные обязательства государства и населения
(в % от общего числа опрошенных
в каждом исследовании)

Вариант ответа	1998 г.	2001 г.
	(N=1500 человек)	(N=1600 человек)
<i>Население выполняет свои обязанности перед государством</i>		
Скорее выполняет	19	40
В равной мере выполняет и не выполняет	36	38
Скорее не выполняет	40	18
Затрудняюсь ответить	5	4
<i>Государство выполняет свои обязанности перед населением</i>		
Скорее выполняет	5	10
В равной мере выполняет и не выполняет	24	29
Скорее не выполняет	70	58
Затрудняюсь ответить	1	3

Как видим, оценка россиянами собственной законопослушности не слишком высока. Но негативная оценка ими действий государства значительно более интенсивна. Это и неудивительно, поскольку, как показывают опросы ВЦИОМ, значительные массы населения по-прежнему на первый план выводят именно попечительские функции государства (табл. 6).

В ответах на вопрос об обязательных правах граждан в уже упоминавшемся мартовском опросе 2002 г. последнее место в списке прав, "без которых и речи не может быть о гражданском обществе", занимает у населения "право на создание самостоятельных союзов, обществ и объединений, представляющих и отстаивающих права своих членов", — эту позицию сочли важной лишь 4% опрошенных. И это понятно. В советское время автономность сферы, которая традиционно в социологии связывается с институтами гражданского общества — различными формальными и неформальными объединениями, профессиональными, религиозными, локальными (соседскими), этническими, досуговыми, спортивными или любыми другими ассоциациями — была подавлена, трансформирована или почти полностью подчинена государственному контролю и попечению. В результате никакой взаимной заинтересованности, контролирующей обратной связи между аморфным "населением" и властью ни тогда, ни сегодня не существует, а значит, у людей нет и ответственности за происходящее в их стране, в их городе. Это, собственно говоря, и является проблемой "общественного договора". Однако сегодня ни власть не нуждается в соответствующих механизмах, ни само население не может вообразить такую ситуацию. Поэтому и на вопросы о взаимной заинтересованности общества и власти друг в друге, о готовности властей вступать в ответственные взаимоотношения с организованным обществом люди либо отвечают по преимуществу отрицательно, либо и вовсе не имеют ответа. Приведем распределение ответов на вопрос: **"Того вы ли нынешние федеральные власти учитывать интересы разных групп общества, вступать с ними в партнерские, договорные отношения?"** (в % от общего числа опрошенных, 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Да	29
Нет	47
Затруднились ответить	24

В 2002 г. в ответах на подобный вопрос, в котором разные уровни власти были разведены, доля затруднивших-

Таблица 6

Права населения России, которые россияне считают наиважнейшими

(исследование "Власть", в %, 1998 г., N=1500 человек; позиции ранжированы по ответам на первый вопрос)

Вид права	Наиболее важные права	Наиболее ущемляемые права
Право на жизнь, безопасность	63	41
Гарантированное рабочее место и оплата труда	52	60
Право на бесплатное образование, здравоохранение	34	42
Право на жилище	25	15
Право на собственность	25	9
Право на социальное обеспечение	23	27
Неприкосновенность личности и жилища	21	13
Право на прожиточный минимум	15	29
Свободный выбор места жительства	6	4
Свобода совести	4	2
Свобода слова	4	3
Избирательное право	3	2
Свобода перемещения	3	2
Свобода получения информации	2	2

ся ответить заметно возросла. В зависимости от того, о каких уровнях власти шла речь (президент или правительство, федеральная власть или местная), объем уклонившихся от ответа колебался уже от 36 до 41%.

Если власть понимает себя сама и ведет себя по отношению к индивиду именно так, как описывалось выше, то уйти от нее, с точки зрения обычного человека, нельзя. Ее можно лишь обмануть, уклониться от требований государства. Но для этого самоорганизация и коллективная солидарность граждан, а значит, поддержание соответствующих социальных форм не нужны, даже излишни. На вопрос: "Как Вы думаете, можно ли жить сейчас в России, не нарушая закона?" 60% опрошенных в 2000 г. ответили "нет" (и лишь треть — "да"). В таком правовом нигилизме населения, вынужденного приспособляться к произволу и по-своему защищаться от него, слиты и понимание характера законов, направленных скорее против интересов частного человека (по крайней мере, не отвечающих его интересам и подчиняющихся лишь логике корпоративных интересов власти, а не частного индивида, не обывателя), с одной стороны, а противоречивость, несистематизированность, непрозрачность этих законов, преобладание множественных источников права или, что то же самое, административный и корпоративный произвол различных ветвей государственной власти в сегодняшней России — с другой.

В подобных обстоятельствах, при таком их понимании обеими сторонами, мотивом соблюдения неформального соглашения как населения, так и властей может быть лишь страх наказания, а не позитивные выгоды и плюсы выполнения какой-то разновидности "общественного договора". Казалось бы, так или иначе близки к договорным должны быть взаимоотношения людей на работе как в самом коллективе, так и между коллективом и руководством. Однако в советских и сегодняшних постсоветских условиях они фактически выступают формами коллективного заложничества и взаимной поручки. К ним приближаются хорошо понятные населению и распространенные формы защиты, поддержки и выручки в криминальной среде, такие, как "крыша", "охрана" и прочие формы принудительных услуг, маскирующих поборы и рэкет. Устой-

тивные массовые мнения о самом широком сегодня распространении коррупции и взяточничества среди государственного чиновничества, милиции и других правоохранительных органов, таможенной службы, системы здравоохранения и образования (отвлекаемся сейчас от проблем их адекватности) являются понятным переносом представлений об описанных формах квазидоговорных взаимоотношений на любые другие области повседневной жизни.

Тяжесть проблемы заключается здесь не в самих по себе конфликтах или безвыходных дилеммах отношений, институциональных коллизий, их неупорядоченности или внутренних противоречиях, а в том, что эти вопросы не могут быть решены отлаженным, правовым или нормативным образом, путем обращения к формально-организованным процедурам и учреждениям*. Именно это обстоятельство резко усиливает возникающие проблемы, а соответствующий опыт неудач у респондентов в дальнейшем выступает для них в качестве внутреннего сдерживающего барьера, упреждающей негативной установки ("все равно не получится")...

На вопрос: "Обращались ли Вы в государственные учреждения и организации в течении последнего года за тем или иным делом?", более 70% (январь 2001 г.) ответили отрицательно. 45% из тех, кто обращался, не удалось добиться того, чего они хотели, 18% — "удалось быстро и без всяких затруднений". Преобладающая часть из тех, кому все же удалось решить свои вопросы, смогли сделать это только после длительных хождений и проволочек, поиска нужных связей и людей, которые смогла помочь после дачи взятки или подарка.

49% опрошенных осенью 2001 г. полагали, что нет никаких возможностей найти управу на имеющих власть или защиту от их произвола (лишь 10% в подобных трудных случаях конфликтов с чиновниками предлагали обратиться в суд, еще 3% в ситуации явной несправедливости считали возможным искать помощь у правоохранительных органов — прокуратуры, милиции и т.п.; 5% видели выход в обращении к "браткам" и 8% надеялись на помощь знакомых, друзей, родственников).

Последние исследования ВЦИОМ, проведенные по заказу Института национального проекта "Общественный договор" (март 2002 г., N=2107 человек), подтвердили неэффективность государственных институтов в решении возникающих у населения проблем. Фактически же только 9% респондентов за последний год по необходимости обращались к государственным органам, т.е. к вышестоящим инстанциям или в суд. Как правило, это были либо вопросы социального обеспечения, трудовые конфликты или необходимость социальной помощи, т.е. эти обращения были мотивированы инерцией уравнилельно-социалистических ожиданий выполнения положенного патерналистским государством, "заботящимся" о "трудящихся", о "народе" (реализация прямых декларированных функций). 72% опрошенных в подобных случаях вообще

ни к кому и куда не обращалась, видимо, заранее полагая дело совершенно безнадежным.

Основная же часть из тех, кто вынужден был искать решения своих проблем, обращались к хорошо известным в закрытых обществах способам действия: неформальным каналам — знакомым, родственным или дружественным связям, а точнее, тем сетям квазиличных, непосредственных отношений (блат, помощь, знакомства и пр.), которые компенсировали ригоризм и жесткость распределительно-репрессивных институтов, а также к связанным с этими структурами полуформальным институтам — частным лицам (специалистам, знатокам), которые свои вполне специализированные знания, возможности, компетенции использовали в частном порядке. В сумме ответы о подключении к этим "сетям" составляли 29%, т.е. более чем в три раза превышали обращение к чисто формальным каналам и учреждениям. Оставшиеся возможности играют явно третичную роль по своей эффективности и объему предоставляемых услуг: к общественным организациям (любого рода — от благотворительных и НПО до религиозных или правозащитных) обращались 2%, к частным фирмам, посредникам, сервисным или консультационным службам и бюро — менее 2%. (Для большинства нуждающихся характерно использование лишь одного какого-то канала; только незначительная часть опрошенных, каждый шестой-седьмой, указывала несколько инстанций и каналов, где они искали решения своих проблем.)

Такое распределение обращений не случайно: оно отражает понимание результативности фактической помощи или реальную репутацию существующих институтов, их ресурсов для решения человеческих проблем. Среди различных институциональных структур и каналов, определяющих решение повседневных проблем россиян, общественные организации занимают последнее место. Наиболее результативными, по опыту обычного человека, являются неформальные сети и связи (родственных, дружеских, соседских, отношений между знакомыми и сослуживцами). За них население достаточно часто платит и готово платить в будущем довольно значительные суммы. Тем самым так называемые "взятка", "благодарность", "подарки" выступают компенсацией неэффективности существующих государственных институтов, гражданских инициатив и союзов. Это и есть цена за отсутствие "общества" — универсальных и общезначимых норм, правил взаимодействия и регулирования отношений.

Однако слово "неформальные" сегодня создает неадекватное и ложное представление о том, как устроено реальное общество. Так называемые "неформальные отношения" представляют собой четко структурированные формы взаимодействия, хорошо известные участникам, с четко прописанными их ролями и точно определенной ценой и стоимостью разного типа услуг. Самыми тарифицированными (и фактически "нормализованными" в сознании всех сторон) являются отношения по поводу медицины и уклонения от службы в армии, т.е. тех вопросов, которые в максимальной степени связаны с ценностями жизни и смерти, насилия и защиты. Это именно те сферы общественного существования, которые до недавнего прошлого были в полном ведении тоталитарного государства. Можно сказать, они в такой их форме и были выражением собственно государства (а для пожилых россиян им по-прежнему и остаются).

Наиболее эффективны были именно неформальные каналы: обращение к родственникам (40% всех успешных случаев), знакомым, сослуживцам, друзьям (33%), а также услуги частных специалистов или компетентных лиц, к которым респондентов направляли по знакомству (7%). Иначе говоря, 80% всех проблем решались именно

"неформальным" образом. В государственных учреждениях люди нашли помощь и решение своих проблем только в 15% всех случаев. Наименее эффективными сегодня следует считать "альтернативные" государственным, но столь же формальные институты: "общественные организации" (1,5% успешных обращений) и частные фирмы, посредники или консультативные службы (3%). В 28% всех случаев обращений куда-либо за помощью людям никто не помог: либо по неспособности, либо по нежеланию им так или иначе ответили отказом.

При этом характер обращений был в большинстве случаев довольно сложным: первое безадресное обращение в большинстве случаев повлекло переадресацию или переформулирование задачи, оформление в иных терминах и понятиях других отношений. Наиболее результативными в этом плане оказались именно "знакомства", компенсирующие ригидность и нефункциональность, гражданскую или цивилизационную неразвитость государственных структур. "Неформальные" системы отношений выступают здесь как "дополнительные" или восполняющие институты, организующие взаимодействие в интересах не власти или каких-то связанных с ней группировок, а частного индивида. Обращение к государственным структурам в случае неуспеха оборачивалось обрывом связей и невозможностью решить проблему, ее блокировкой. То же самое можно сказать и об общественных организациях, хотя основная масса тех из них, которые известны населению и признаны им, как уже говорилось выше, не имеют ничего общего со структурами гражданского общества и представляют собой радикалы, рудименты тоталитарных систем поддержки режима. Напротив, неформальные, "теневые" структуры обеспечивают эффективное взаимодействие, направляя людей в соответствии с их нуждами и возможностями к тем инстанциям или "нужным", "блатным" и т.п. узлам связи, которые оказываются гораздо более полезными и эффективными в чиновничьем и репрессивно-ограничительном, неправовом обществе. Именно неформальные структуры оказываются в социальном плане "поливалентными", переводя нуждающихся на другие каналы (общая масса коммуникативных связей здесь гораздо больше и они более плотные и интенсивные).

Отношения "своих". Состояние российского общества, сегодняшняя жизнь россиян в публицистике, да и в текущей аналитике, нередко оценивается как "хаос", "бардак" и в других подобных им оценочных категориях, которыми фиксируется ее как будто бы неупорядоченный и неуправляемый, неподвластный человеку характер. Такими оценками чаще всего пользуются, особенно в общении с социальными "чужими" и "далекими" собеседниками, и сами россияне. Между тем более внимательный анализ показывает, что, по крайней мере, многие сферы обыденной жизни российского общества, а может быть, даже и большинство их, напротив, весьма организованы, очень неплохо планируются и калькулируются "средним" человеком. Он, как уже отмечалось, хорошо знает правила соответствующего поведения (и своего, и партнерского) и в общем совсем не так уж редко добивается нужного ему результата. Другое дело, что организация этих сфер жизни и правила поведения в них идеологически не освещены, впрямую не узаконены авторитетами тех или иных общественных институтов, не кодифицированы публичными, общепонятными и общедоступными нормами, например, в письменном или печатном виде.

Большая часть сегодняшних россиян, как и прежде, привязаны к месту жительства. До 94% опрошенных живут по месту своей постоянной прописки. При этом 46% считают, что работать там, где хочется, россиянам мешает прежде всего необходимость прописки, паспортный

режим (1991 г., N=1442 человека); 64% — что мешают трудности с жильем (отсутствие средств на его приобретение и опять-таки привязанность к месту официальной прописки, работы, органам социального обеспечения и пр.). Повседневные жизненные связи российского населения в его большинстве замкнуты рамками семьи и отношений между "своими". За этими пределами групповой уровень в структуре сегодняшнего российского общества выражен предельно слабо. Устойчивые, развитые формы артикуляции и публичного, не закулисного выражения групповых интересов и мнений России сегодня практически отсутствуют. Даже основополагающие для советской системы трудовые связи, соответствующие формы принудительно-коллективной идентификации за 90-е годы, в связи с остановками и перерывами в работе многих предприятий, с хронической задержкой и невыплатой зарплат, снижением ценностных значений и идеологических коннотаций труда в массовом сознании явно ослабли. В целом уровень повседневной реальности российского населения конституируется индивидуальными и семейными тактиками прагматического выживания, принудительной адаптации к существующему.

Подчеркнем, что сегодня этот уровень — при всей его простоте в антропологическом и культурном планах, при достаточно громоздком способе его организации — ведущих. Мы имеем в виду ситуацию современного российского общества, в котором отсутствуют авторитетные и признанные элиты (в частности интеллектуальные лидеры и элитные группы). Соответственно, "идеальные" компоненты систем действия и образа человека остаются в современной российской культуре почти неразработанными, а практика повседневного выживания не проходит скольконибудь систематического осмысления, обобщения, рафинирования, оцивилизовывания. Как не раз отмечалось, фактически эту функцию взяла на себя так называемая массовая культура и ее анонимные институты, крупные корпорации*. Прежде всего это телевидение, реклама, а отчасти (и в параллель североамериканским киноблокбастерам, латиноамериканским сериалам и костюмно-историческим сагам) жанровая словесность — отечественный боевик и криминальный роман, переводная любовная мелодрама, историко-патриотическая беллетристика.

В подобных условиях прагматическая адаптация ценой определенного "одичания" и скольконибудь специально не контролируемым, вничьюм порядком — стала господствующей моделью действия, которая в виде двойного кода пассивного приспособления воспроизводится и всеми другими институтами советского и постсоветского общества. Это указывает на системный дефицит, даже сбой или провал в социальной организации общества по советской модели (гораздо лучше исследованный специалистами дефицит в экономике советского типа — частный, хотя и наиболее явный и яркий пример дефицитарного устройства обществ советского типа). Повседневная жизнь, взаимодействие людей вокруг и по поводу их ежедневных рабочих, бытовых, семейных и других подобных проблем, забот и тягот в сегодняшней России практически не институционализированы. Даже та простая и грубая поддержка, которую худо-бедно обеспечивало своим подданным советское государство в так называемой "социальной сфере", сегодня по большей части отсутствует (выразительные данные по этому поводу дают, например, исследования ВЦИОМ в шахтерских регионах страны).

Однако импульсов к собственной встречной активности, к взаимной поддержке россияне сегодня, о чем уже упоминалось (см. данные об участии в деятельности общест-

* Подробнее см.: Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994. С. 223-230.

Взаимоотношения россиян с государством
(в % от общего числа опрошенных
в каждом исследовании)

Вариант ответа	1999 г. (N=2000 человек)	2001 г. (N=1600 человек)
Полноправный гражданин, способный влиять на власть через выборы, печать	5	8
Во всем завишу от власти, государства	27	22
Полагаюсь лишь на себя и не рассчитываю на власти	57	64
Затрудняюсь ответить	11	6

венных организаций, приведенные в таблице 1), тоже как будто не чувствуют. Школу самоорганизации, успешных коллективных действий даже на бытовом уровне объединений по проблемам и интересам они, можно сказать, не прошли. В еще большей мере это относится к их собственно политическим интересам и правам. Характерно, что, по данным мониторингового опроса в марте 2002 г. (N=2107 человек), 90% россиян не состоят сегодня ни в одной из неполитических общественных организаций, союзов и объединений, 97% не являются членами ни одной из политических партий и движений. 75% опрошенных (январь 2001 г., N=1600 человек) заявили, что в трудной ситуации могут рассчитывать только на себя и свою семью, 22% — что могут рассчитывать на более широкую "поддержку окружающих". В 1998 г. (исследование "Власть", N=1500 человек) еще большее число россиян (86%) признали, что могут рассчитывать в жизни на своих родственников. Для сравнения: на соседей — 20%, на людей своей национальности — 19, на церковь — 13, на газеты, радио, телевидения — 10, на профсоюзы — 6%.

Соответственно, свой общественный потенциал (авторитет, влияние) россияне, как правило, оценивают очень низко. Они не чувствуют себя хозяевами собственной жизни и чаще всего не в состоянии помочь другим. До 75% опрошенных считают себя людьми, от которых мало что зависит и которые мало что могут, которые не способны влиять на общественную ситуацию через объединения и союзы граждан, еще около 15% затрудняются с ответами на подобные вопросы. Именно в этом смысле — как эффект социальной атомизированности, а вовсе не как демонстрацию социальной самостоятельности, независимости, самодостаточности — стоит, на наш взгляд, трактовать ответы на вопрос, связанный с тем, как определяют россияне свои отношения с государством: их следует интерпретировать не напрямую и не поодиночке, а в системе (табл. 7).

В марте 2002 г. к людям, способным оказывать воздействие на власть, участвуя в различных общественных объединениях, движениях, союзах, себя уверенно отнесли 2% опрошенных (с определенными оговорками — еще 9%), тогда как 75% респондентов признали, что никакого влияния на власть оказывать не способны.

В условиях подобного дефицита институциональных систем обобщения и опосредования групповых интересов, демпфирования межгрупповых конфликтов при столкновении разнонаправленных интересов основополагающей формой социальных связей и становятся замкнутые отношения "своих". Они в принципе не допускают универсализации и препятствуют социальному достижению, культурному рафинированию. При этом важно, во-первых, что ресурсы обычного россиянина, в частности деньги, но еще и влияние, авторитет, возможность самому "быть полезным" и т.д., весьма ограничены. Во-вторых, значительная, по крайней мере ощутимая, часть этих ресурсов несимметричного и однонаправленного обмена (блат, взятка, "благодарность", "подарок" и т.п.) мобилизуется в *разовом порядке* и для обеспечения *минимального* уровня социальных благ, как будто бы положенных "всем", — речь идет о месте в детском саду, медицинской помощи при тяжелой болезни или необходимости сложной операции, грамотном послеоперационном уходе, о поступлении детей в институт, освобождении сыновей от службы в армии и т.п. Однако, в-третьих, все эти блага могут быть добыты лишь большими усилиями и при условии, что доступ к ним наделен значениями особого, *неординарного* и притом *персонализированного*. В этом смысле обращение к "нужным людям" означает необходимость преодоления институционального барьера, переход от одной зоны рутинной регуляции к другой, за который полагается соответствующая "плата".

Проблема советского общества и обществ подобного типа организации — это проблема социального развития, усложнения, дифференциации. И основной дефицит такого общества не продукты и не товары, а форма институционализации импульсов динамики. Ведомственная (в описанном выше смысле) система организации социальной жизни не институционализирует ценностей частного человека, активного индивида. Напротив, она постоянно посягает на его волю, самостоятельность, правомочность. Любая ситуация социального движения, перехода предписанной ведомством границы, отхода от типового сценария жизни по минимуму оформляется системой как экстраординарная. Подчеркнем: не человек наделяет ее особыми качествами ("сакрализует власть" и тому подобные расхожие характеристики "российского менталитета" что в левой, что в правой публицистике), а режим, организация, социальное устройство жизни по ведомственной матрице заставляет индивида воспринимать ситуацию как особенную — опасную, трудную, пограничную, предельную и т.п. И этим заставляет индивида платить за "избавление" от подобной угрозы. Сегодняшнее российское государство как ведомственный способ организации сохраняет и удерживает свой контроль за социальной жизнью индивида.

Типовая организация действия, структура взаимодействия, включает в себя при этом два хода (такта) и построена на условии "одно за другое". "Триггером" ее выступает принуждение индивида к самым простым и грубым отношениям традиционного господства — подчинения, точнее, его согласие признать и принять как основу взаимоотношений, интересующих обе стороны. В качестве удобного примера можно воспользоваться здесь моделью "просителя". Сначала его демонстративной грубостью, многократными отказами и другими подобными средствами доводят, опускают до уровня "нашего человека", т.е. человека, привыкшего к таким взаимоотношениям и выражающего готовность подчиниться им и на сей раз. Точнее, человеку при этом вменяют простую и грубую природу, принудительно напоминают о ней, вынуждая ее принять, при этом за нее же символически наказывая (опять-таки по модели "Вы же по-другому не понимаете"). Тем более индивид будет наказываться за любой лишней, т.е. собственный, не предписанный шаг: он и квалифицируется в подобных случаях как криминал.

Однако затем, удостоверившись в согласии индивида принять определение ситуации и себя по навязанному ему ведомством минимальному, "низкому" образцу (он демонстрирует это определенными средствами — жестами, на словах, в интонациях и т.п. — как своего рода "пропуск"), ему уже дают возможность использовать прагматические, инструментальные средства решения проблем. Теперь он может показать свое владение специальными

знаниями и навыками, сослаться на нужное знакомство, использовать деньги и т.п., т.е. ему дается право в заданных узких и контролируемых извне границах вести себя как "свой человек". Символическим выражением этого становится смена манеры обращения с просителем — обращение по имени-отчеству, выход чиновника из-за начальственного стола, проявление даже своеобразного участия и пр. Разумеется, сверхсоциализированный член подобного общества может сократить первую фазу взаимодействия и сразу предъявить знаки своей подконтрольности, но продемонстрировать их он все равно обязан.

В подобном открытием и даже демонстративном признании себя социально недееспособным состоит символическое значение этого акта, а не просто фиксация реальных жизненных обстоятельств, так вот неудачно сложившихся на сей раз и т.п. Индивиды вынуждают принимать ведомственное определение ситуации, и, только приняв его, он может выступать условным субъектом действия, структура которого задается и определяется не им. Он принужден примериться к ней, если угодно, мимикрировать, чтобы вложить в это действие свой смысл, собственную цель и достигнуть ее реализации*. Тем самым обе стороны признают, что согласовать ценности и интересы частного человека и ведомственной системы невозможно. Обозначение любой ситуации такого перехода предписанной "границы" как чего-то экстраординарного, а потому требующего платы, вознаграждения, благодарности и т.п., именно и указывает на ее характер символического "испытания" и не связано с инструментальной сложностью, практической невозможностью разрешить ту или иную проблему. Напротив, после предъявления готовности к "сдаче" проблема достаточно легко и вполне прагматически разрешается по важнейшему принципу "(всем) нельзя, но (нам, а значит, и вам) можно".

Рисунок (шаблон) описанного социального взаимодействия при этом таков, что более низкая по статусу, просящая сторона стремится разорвать отношения анонимности с инстанциями власти, распорядителями элементарных ресурсов ("Вы меня помните?"). В то же время распорядители, напротив, стараются придать отношениям с просителем анонимный характер ("много вас тут..."). Обе стороны фиксируют в своем взаимодействии эту границу между "низким" и "высоким" статусами, не отступают от нее, больше того, символически ее поддерживают и укрепляют — в знак совместного отказа даже от мысли о возможности социального продвижения, от потенций социальной динамики, усложнения связей, дифференциации общества.

Тем самым областями так или иначе упорядоченного, обобщенного, относительно рационального и калькулируемого поведения становятся отношения, находящиеся на грани или за чертой законности. И наиболее формализованными, четко таксированными среди подобных отношений в обход закона выступают, как говорилось, опять-таки именно те, в которых, с одной стороны, "обменная ставка" — это сама жизнь индивида, а с другой — инди-

вид (объект принудительного и безальтернативного воздействия командно-иерархических отношений, основного и простейшего кода социальности в России) находится один на один с представителями государственной власти. Такова в современных российских условиях практика обеспечения отсрочки или освобождения от срочной службы в армии (в какой-то мере к ней в данном плане может быть приравнена бесплатная система государственного медицинского обеспечения в тех крайних случаях, когда речь идет об угрозе жизни респондента).

Фактически взятка — доверительный обмен — представляет здесь плату за уклонение от универсалистских норм и критериев взаимодействия, за сохранение простых, персонализированных, партикуляристских отношений в качестве основной формы общества. Коротко говоря, оплачивается простейшее, оно же и есть "общее" ("общество"). Можно сказать, что перед нами сейчас в наглядном виде выступает социальная плата за ту самую "простоту", которая является главной чертой в автостереотипе россиян и входит в само определение российского общества и человека — это символическое выражение сегодняшней коллективной значимости и коллективного признания данной модели, социальное удостоверение ее нынешней важности для большинства россиян, ее практической работоспособности. Советское общество простое совсем не потому, что это общество "простых людей" (в идеологическом смысле расхожей формулы), а потому, что оно устроено просто. В его основе упрощенная, грубая модель человека и взаимоотношений людей — клеточка огосударственных отношений господства—подчинения, воспроизводимых далее по одной этой матрице на всем множестве реальных человеческих действий и взаимодействий. Подобная экспансия простых "клеточных" структур без их функциональной дифференциации, наращивания уровней сложности, без выработки системы символических посредников, обобщенных ориентиров и оценок — еще одно выражение той же единой, ведомственной, централизованно-распределительной модели организации общества*.

Точно так же формы нелегальной оплаты гарантированного поступления детей в вуз, которые все больше узакониваются сегодня явочным порядком в принудительной форме "платного обучения", вовсе не подразумевают, что это плата за повышенный объем учебы, содержание и качество преподаваемых знаний, более совершенное техническое обеспечение процесса образования и т.д. Они представляют собой символический вклад (взнос) населения в сохранение образовательной системы на ее нынешнем уровне и в нынешнем виде, в чем, разумеется, прежде всего и заинтересованы представители образовательного ведомства. Так, по данным июльского опроса 1999 г. (N=1600 человек), на вопрос: "У кого сегодня лучшие шансы на поступление в вуз?" ответы респондентов распределились следующим образом: "у тех, кто получил хорошие знания" (20%), "кому родители наняли хороших репетиторов" (12%), "у кого родители дадут взятку" (54%) и,

* В семиотических категориях это можно описать как иерархическое двуязычие, когда один "язык" — система символов и правил их декодировки — заключает в себя определение ситуации, ее участников и лишь потом дает разрешение на использование второго, который и несет уже собственно коммуницируемые, содержательные значения. Два этих плана — назовем их планом идентификации и планом коммуникации — можно, конечно, аналитически выделить в любом сообщении (общении). Но важно, какие идентичности и как при этом задаются в эмпирических ситуациях, т.е. что выступает условием самой возможности коммуникаций. В нашем случае — при взаимоотношениях частного человека с организацией — участники всегда идентифицируются со стороны (в перспективе) организации и однозначно задаются ею в безальтернативных терминах подчинения.

* Другое ее выражение или оборотная сторона — патерналистское ожидание "одного хозяина", "жесткой руки", персонализированной фигуры сверхвласти как единственно способной якобы найти управу на беспрестанно умножающиеся локальные структуры ведомственного властеприсвоения. Массовые упования применительно к подобной фигуре связаны опять-таки не с ожиданием инструментальной эффективности или продуманной политической стратегии, а с символическими значениями экстраординарности такой сверхперсоны и, значит, недоступности ее и ее действий для понимания, контроля и вообще чьего бы то ни было вмешательства. Поиск своего рода общей социальной "меры", незаинтересованной инстанции, которая находилась бы вне рамок ведомственной солидарности, корпоративных амбиций и т.п., тем не менее осуществляется здесь в формах, заданных той же институциональной структурой тоталитарного общества.

наконец, у кого есть влиятельные знакомые и родственники" (57%). По данным другого исследования, проведенного два года спустя по аналогичной выборке и технологии, 39% опрошенных считали что от половины до двух третей студентов поступали за взятки, еще 26% были уверены, что за взятки или по блату поступают практически все учащиеся вузов.

Речь в данном случае идет не о том, соответствуют ли эти массовые мнения фактическому положению дел или нет, а о том, что эти стереотипы существуют, что это коллективные представления, оказывающие воздействие на совершенно иные сферы жизни. В марте 1998 г. две трети респондентов полагают необходимым средством ускорить решения дела или гарантировать его успешный исход дачу взятки, поднесение чиновнику подарка, действие через друзей или знакомых. Причем молодежь чаще, чем население в целом, расценивало это поведение как допустимое и прагматически "верное". 56% опрошенных в 2000 г. считали допустимым средством взятку и блат в трудных жизненных ситуациях (38% называли это поведение предсудительным). Характерно, что если по отношению к самим себе опрошенные заметно чаще используют осуждающие взятку и блат оценочные клише (дистанцируясь, в глазах интервьюера, от этой практики), то в применении к "другим" они чувствуют себя более свободными и чаще говорят о распристращенности и результативности этих действий. Весной 2001 г. три четверти опрошенных полагали, что случаи, когда допустима дача взятки, преподнесение подарка и т.п., встречаются довольно часто.

Особенность социальных связей такого рода, вполне упорядоченных, устойчивых и регулярных, заключается в неформализованности оплаты или вознаграждения за услуги. Кажется, только в этом узком смысле подобные отношения и уместно называть "неформальными". Можно сказать, что сохранение "бесплатности" в таких условиях является необходимым условием социальной солидарности, обеспечивающей воспроизводство и интегрированность общества, особенно если речь идет о тоталитарно-репрессивных или посттоталитарных режимах, закрытых системах. В нашем случае (упоминавшегося мартовского опроса Института национального проекта "Общественный договор") более 42% всех оказываемых услуг были "бесплатными" (что не означает отсутствия "гратификации": она просто предоставляется в другой форме — признательности, престижа, отсроченной услуги и пр.). Оставшаяся масса взаимодействий и помощи распределилась следующим образом: в каждом четвертом случае респонденту давали понять, что услугу нужно оплатить (как правило, называя каждый раз соответствующую сумму; реже респондент сам платил "сколько мог" — примерно в трети подобных случаев); в каждом пятом случае респондент сам предлагал платить за помощь (причем это только очень условно может называться "оплатой", скорее речь должна идти о социальном обмене "дарами", в смысле М.Мюссера, поднося "подарок" (от 40 до 65% случаев). Оставшаяся четверть случаев представляла собой вполне тарифицированную оплату по прежнему, без выбора, поскольку услуга официально предоставлялась только за плату.

Как и в советские времена, россиянин сегодня платит за любой отход от всеобщего нормативно-принудительного сценария. Если он согласен жить "как все" и только на то, что "положено каждому", проблем либо не возникает, либо они так или иначе разрешимы. "Взятка", "вознаграждение", а сегодня все чаще и плата по установленной таксе в наших условиях — это всегда символическая плата за отклонение от "всеобщего". Всюду, где есть выбор, конкурс, перспектива чего-то получше, возможность более высокого качества труда, учебы, отдыха (да,

наконец, самого человека), будет и "коррупция", о которой шла речь в начале статьи. Но взятка и прочие формы вознаграждения в наших условиях — это, еще раз подчеркнем, плата той же самой системе, которая и ответственна за все подобные ограничения, плата за ее сохранение и поддержание.

Вместо заключения. Нынешняя система организации общества в России, даже вводя, по видимости, демократические институты и формы современного рационального, инструментального, прагматического поведения (законотворческого, инструктивно-исполнительского и пр.), фактически, по своему реальному устройству, функционированию и эффекту, лишь обеспечивает возможности для подхода к власти вторых и третьих эшелонов пополнения слоя "распорядителей" из провинции, с периферии. Создавая и умножая для них все новые посты, организационные формы, ведомства, комитеты, комиссии и пр., бюрократия создает капиллярные системы для обхода и блокировки сколько-нибудь содержательной работы институтов гражданского общества, декларированных, кажется, исключительно напоказ, для внешнего наблюдателя. Но внутренний эффект подобной работы чрезвычайно велик. Речь идет о том, что отношения "своих" (строго говоря, и называть их "неформальными", и приравнивать к "социальным сетям", "промежуточным институтам" одинаково неточно) не являются дополнительными по отношению к централизованно-контролирующим ведомствам и власти распорядительных клик, не компенсируют дефициты и проблемы в сложившейся системе организации постсоветского общества. Они сражены с этой системой и используют ее ровно в той же степени, в какой сами используются ею. Они вовлекают массы населения, обычного человека в повседневную практику поддержания властных новообразований и псевдоморфоз. Например, согласие большинства российского общества на нынешнюю унифицированную форму обязательной срочной службы в армии означает неприятие "генеральского" варианта закона об альтернативной службе, недоверие к нему при установке, что вообще ничего хорошего "сверху" быть не может. И столкновение разнонаправленных оценок власти при ожидании решения, в конце концов опять-таки от нее, — это, как ни парадоксально, одно из выражений массовой поддержки прежнему способу организации постсоветского общества, отказ населения от самоорганизации, многосторонней и глубокой дифференциации общества собственными силами, от прогрессирующего развития его институциональной структуры. Ни с демократической революцией, ни с гражданским обществом такой социальный эффект ничего общего не имеет.

Нынешние умножающиеся группировки и фракции власти, полностью отделенной в этом от массы (что вполне и привычно осознается массой), при переходе от советской системы к постсоветской сменили самолегитимацию. Вместо символов единой идеологии они демонстрируют теперь псевдорациональные правила — внешне разумные требования соблюдать те или иные беспрестанно умножающиеся нормы, инструкции и пр. Само умножение подобных императивов выступает условием сохранения контролирующих функций за соответствующей фракцией, группировкой, кликой. Несоразмерность чисто, казалось бы, технических требований к индивиду и системной репрессии по отношению к нему при малейшем невыполнении какого-то из пунктов инструкции превращает контролируемое действие из инструментального в символическое, работая на утверждение превосходства, статуса, правомочий контролирующего лица.

"Коррупция" лишь проявляет этот процесс умножения и расползания группировок претендентов на те или иные

участки и зоны власти (обломки и детали распадающегося властного механизма). Она, если угодно, выступает в нынешних условиях формой институционализации подобных групп и несомых ими типов социальных отношений. Коррупция теперь не смазка неповоротливых, окостеневших социальных механизмов, а способ признания, институционального узаконения таких групп и соответствующей практики взаимодействия с ними в глазах всех заинтересованных сторон, форма выявления и закрепления их устойчивой институциональной природы. Можно сказать, что в такой форме население — каждый за свою цену — "выкупает" у власти соответствующие ресурсы, расширение возможностей своего благосостояния, безопасности, будущего своих детей. Этот процесс будет, очевидно, продолжаться до полного перевода "бесплатных", "социалистических" отношений в платные и открытого признания этого факта обществом как "нормального" взаимодействия. Конечно, прежде чем эти отношения устоятся, урегулируются, получат правовое оформление и гарантии, долгое время мы будем иметь дело с самыми дикими и архаическими по характеру проявлениями обмана, злоупотреблений, насилия и т.п. Высокий уровень образования населения здесь не должен сбивать с толку, поскольку в отношении социально-политического, правового, институционального развития российское общество неизбежно спускается к уровню Западной Европы XVII в.

Но именно потому, что речь идет о вещах, настолько серьезных для любого человека, панические настроения и морализаторские lamentации по поводу "теневой экономики", "нелегальных отношений", "коррупции", "криминала" в подобных случаях не только неадекватны и непродуктивны, но и неуместны. Неуместны, по крайней мере, до тех пор, пока социально-институциональная ситуация в России не станет "нормальной", т.е. подвластной действию общих норм и доступной оценке, с точки зрения обобщенных ценностей (а без них никакой осмысленный разговор о морали невозможен да и просто абсурден). Иными словами, пока подобные партикуляристские формы отношений в принудительном, явочном порядке не пройдут через продолжительный, исторический по своим размерностям, период универсализации, а соответствующие социальные блага, перестав быть привилегированным ресурсом апроприировавших их властных ведомств, групп и клик, не будут реально и полностью выкуплены российским населением, они не перестанут быть предлогом для тайного сговора между "своими", не являясь предметом открытой оплаты для всех и каждого.

Тинатин ЗУРАБИШВИЛИ

Социология и пресса: типичные неточности при публикации результатов социологических исследований в СМИ и их причины

В годы перестройки советские СМИ фактически впервые проявили реальный и широкий интерес к общественному мнению. С целью получения соответствующей информации журналисты стали часто обращаться к результатам социологических исследований. В конце 80-х годов социология воспринималась ими как некое мудрое "зеркало", в отражении которого можно увидеть ответ практически на все вопросы, но в которое долго не позволяли смотреть советскому обществу. Социологическая информация, воспринимаемая как научная, а следовательно, беспристрастная, объективная, казалось, придавала публикациям большую убедительность.

Наиболее интенсивное освещение в прессе получила эмпирическая социология — результаты опросов общественного мнения. Они представляли собой наиболее доступную и, как представлялось, весьма точную, "научно обоснованную" информацию о состоянии общества. К тому же опросы отличались актуальным характером, кажущейся простотой, лаконичностью, легкостью при использовании в журналистских текстах.

Появившиеся на рубеже 80-90-х годов специализированные социологические центры, изучающие общественное мнение, с готовностью снабжали СМИ своей информацией. Начало сотрудничества СМИ и социологических центров представлялось взаимовыгодным и потому многообещающим. Теоретически у этого сотрудничества должны были быть хорошие перспективы, так как близость социальной проблематики, стремление установить значение происходящих событий, общая задача выражать общественное мнение и обеспечивать "обратную связь" сближают социологию и журналистику.

Социологическая информация, попадая в редакцию, неизбежно подвергалась правке. Журналисты считали, что ее необходимо адаптировать для СМИ, сделать не только понятной, но и более интересной для восприятия аудиторией. Они относились к ней так же, как к любой другой информации, возможно, важной для аудитории, но непременно требующей вмешательства работников СМИ прежде, чем она появится на полосе или в эфире. Такое вмешательство, однако, нередко приводило к нежелательным результатам вплоть до содержательного искажения информации, тем более, что компетентность журналистов в вопросах социологии, как правило, оставляла желать лучшего.

Конфликт интересов? Публикация любого рода научной информации для широкой аудитории объективно связана со сложностями, вытекающими из различия природы научной и массовой информации. Если рассматривать социологические данные как частный случай научной информации, то следует сказать о том, что из-за различий в специфике журналистики и социологии при работе журналиста с социологической информацией требования журналистики часто будут противоречить требованиям грамотной работы с социологическими данными.

В связи с этим прежде всего приходится говорить о таких наиболее важных требованиях, предъявляемых к журналистской информации, как актуальность и оперативность. Стремление как можно скорее донести до читателей новость подгоняет журналистов, вынуждая их порой передавать непроверенные и неподтвержденные сведения, лишь бы те не устарели, несмотря на требование проверки достоверности информации, которое заложено в Законе РФ "О средствах массовой информации" и аналогичных документах других стран. Что касается социологической информации, то желание успеть сдать материал в срок часто приводит к тому, что из-за нехватки времени не удается получить дополнительные консультации у специалистов или согласовать правку, внесенную сотрудниками редакции, с автором материала. Между тем в процессе такой правки журналисты, если они не имеют хотя бы базовой социологической подготовки, легко могут допустить содержательные ошибки, в частности, они нередко выделяют статистически незначимые колебания в полученных результатах; рискуют сконцентрировать внимание на случайностях и представить картину мнений, не адекватную полученным данным, порой сравнивают результаты различных опросов, не учитывая того обстоятельства, что при их получении использовалась различная методика и т.п.

Социологи, со своей стороны, привыкли к менее жестким временным рамкам и не всегда готовы работать в соответствии с журналистскими "темпами".